

М. В. БЕЛОВ

РУССКИЕ И СЕРБЫ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ

Проект по изучению взаимных представлений русских и сербов, вдохновителями которого выступили А.Л. Шемякин (1960–2018) и М. Йованович (1962–2014), выявил широкую палитру возможностей в изучении темы. Методологические оттенки имагологии определяются познавательными приоритетами и, одновременно, информационным потенциалом свидетельств, с которыми имеет дело историк. Много-слойный и динамичный характер взаимных представлений требует адекватной теоретической модели, отдельным аспектам которой посвящена статья.

Ключевые слова: *взаимные представления, русско-сербские отношения, имагология, травелоги, А.Л. Шемякин, М. Йованович*

Приходится начинать с печальной констатации: 8 марта 2018 г. не стало Андрея Леонидовича Шемякина. Ему было 57 лет. Из них мы были знакомы около 15. Он был моим старшим товарищем, любимым собеседником и научным патроном. Когда пришла весть о смерти, на выходе находилась книга¹, одним из рецензентов которой был Шемякин. Я успел попросить редактора обвести его фамилию на контртитule в рамку и добавил несколько слов памяти в предисловие после выражения благодарностей. Шемякин сделал немало для обновления исторической славистики. А его исследовательский и литературный талант сочетался с необыкновенно притягательными человеческими качествами². В начале нулевых он задумал научный проект, связанный с изучением представлений русских о Сербии и сербах, кропотливо собирал свидетельства и опубликовал два тома, в один из которых включил ранее издававшиеся материалы, а во второй – только архивные³.

Уже в 1990-е история взаимных представлений (образов Другого) превратилась в широкое направление, а отношение россиян к сербам, особенно после косовского кризиса (на фоне собственного чеченского), обрело определенно солидаристский характер. В этой связи, казалось, была инсталлирована эмоциональная ситуация кануна Первой мировой.

Замысел Шемякина не был простым ответом на очевидный социальный запрос. Он исходил из убеждения, что свидетельства русских путешественников, дипломатов, ученых, побывавших в Сербии в последние десятилетия XIX – начале XX в., позволяют по-новому взглянуть на специфику процесса модернизации, отягощенной общественной

¹ Открытие «братьев-славян». 2018.

² Силкин 2018.

³ Русские о Сербии и сербах. Т. I–II.

архаикой, увидеть извне те обстоятельства, которые незаметны внутри традиции – самим сербам. Отличало русских наблюдателей от других иностранцев именно то, что они воспринимали сербов как «своих других», а не “чужих” – социально и цивилизационно, поэтому были способны к эмпатии и более глубокому погружению в наблюдаемую среду. «Острый глаз русских наблюдателей помог нам, заглянув за фасад европейских новаций – в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы, – обнаружить там устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что наглядно показывает деформированный и неорганичный характер модернизации “по-сербски”»⁴. То же самое касалось и такой ускользающей материи как политическая культура (ментальность), обсуждению которой посвящена в основном только что процитированная статья второго тома, и эта культура, по оценке Шемякина, была устойчиво патриархальной и традиционной.

Так или иначе, центр внимания в анализе записок русских путешественников сосредоточен на содержании их впечатлений, интеллигентных социально-критической версии сербской истории, если так можно определить направление работ Шемякина. Но и такая «внешняя» по отношению к России проблематика имела свою «внутреннюю» параллель, точнее, параллели. Во-первых, великой загадкой для самого российского общества эпохи посткоммунистического транзита являлась модернизация без модерности и традиционализм без традиции.

Другой параллелью к современной ситуации в исследованиях Шемякина было облеченное в исторический дискурс обсуждение идентичности постсоветского российского слависта. Какой может быть, как должна проявляться его любовь к тому, что он изучает? Как соотносится славяноведение и славянофильство? Оппозиция между ложной и истинной солидарностью выразилась в противопоставлении двух деятелей русского добровольческого движения эпохи Великого восточного кризиса 1875–1878 гг.: М.Г. Черняева и Н.Н. Раевского⁵. И в еще большей степени Шемякин идентифицировал себя с теми русскими славистами прошлого, хорошо знавшими Сербию и симпатизировавшими сербам, кто смотрел на предмет изучения с открытыми глазами, без оболыщения, а иногда и с горькой досадой (как и на свою родину). Таким, например, был для него профессор П.А. Кулаковский⁶.

⁴ Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 552. См. также заключительную статью в т. 1, а также: Шемякин 2011.

⁵ Шемякин 2006а, Шемякин 2006б, Шемякин 2012а.

⁶ А.А. Силкин, цитируя шемякинскую характеристику Кулаковского, подметил, что в ней узнается сам автор: Силкин 2018. С. 116.

С середины нулевых мы обсуждали с Шемякиным возможность расширения границ, начатого им исследовательского проекта, и именно он «благословил» меня на сбор свидетельств, относящихся к более раннему времени (к первой половине XIX в.), тех, что оставались вне поля его собственного внимания. Вскоре я приступил к реализации замысла, откорректировав его цели. Во-первых, в расчет принимались балканские славяне в целом, хотя, в силу особой плотности контактов в этот период, приоритет отдавался сербам и черногорцам. Во-вторых, ранние свидетельства с еще слабой рефлексией (профессиональная славистика делала тогда свои первые шаги) не могли взять на себя роль «зеркала заднего вида», вскрывающего то, что оставалось «за кадром» внутренней документации, хотя порой они и несут в себе поистине уникальную информацию. Приоритетной задачей для меня, кроме прочего, был анализ того, как оформлялась вера в эксклюзивное «славянское братство» внутри русского образованного общества. Отрицая «извечный» характер таких братских чувств, я пытался понять, каким образом их возникновение связано с практиками путешествий. Проект с самого начала (первая заявка была подана в 2006 г., но реальная работа началась уже в 2008 г.) имел название: «Открытие “братьев-славян”». Таков и заголовок книги, макет обложки которой успел увидеть Шемякин: на нем русский корабль под Андреевским флагом застыл у каменистого берега Которской бухты, тот же флаг развивается над стенами Котора (акварель начала XIX века). Русские моряки, прибывшие сюда в 1806 г., действительно, в чем-то были первооткрывателями...

С сербской стороны почин изучения взаимных представлений поддержал близкий товарищ Шемякина профессор Белградского университета Мирослав Йованович (1962–2014). Его ранний уход остро переживался Шемякиным – для него эта потеря была сродни утрате «второго я» и дурным предвестием собственной судьбы⁷. Во многом благодаря энергии Йовановича началась публикация большого свода документов «Москва – Сербия, Белград – Россия». Сам он выступил председателем редакции всей серии с сербской стороны и одним из авторов-составителей II тома⁸. Внушительным по объему, но все же предварительным результатом исследований Йовановича в области имагологии стала изданная в 2011 г. антология «Сербы о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина»⁹. По мысли составителя, данная антология – первая часть проекта, в которую вошли

⁷ Шемякин 2014.

⁸ Москва – Сербия, Белград – Россия. Т. I–IV. А.Л. Шемякин был редактором-составителем третьего тома.

⁹ Срби о Русији и Русима. См. рецензию на этот фундаментальный корпус текстов: Шемякин 2012b. Сербская версия: Шемјакин 2013.

преимущественно «нарративы, определяемые исповедальным и эмоциональным восприятием Другого, как совокупный результат всей системы представлений в широком спектре – от публично высказанных упорядоченных повествований и репрезентаций в медиа до позиций и представлений отдельных наблюдателей». Вторую часть Йованович планировал посвятить политическому дискурсу о России «в перспективе стратегических расчетов, политических программ и идеологических позиций, в контексте государственного мышления и практики»¹⁰.

Еще одним результатом этих изысканий стала синтетическая монография «Сербы и русские. XII–XXI века (история взаимоотношений)»¹¹. Не слишком солидная по объему, эта книга, тем не менее, ставила весьма амбициозную цель – выявить важнейшие элементы и изменчивую конфигурацию русско-сербских (сербско-русских) взаимоотношений в перспективе «времени большой длительности». Динамика их развития определялась Йовановичем в системе разноуровневых связей (церковных, политических и культурных) и с учетом попутного осмысления их опыта. Монография опиралась как на авторский вклад в изучение отношений двух стран, так и на богато представленные в ней материалы других исследователей. Но, кроме того, в ней, как и в серии предыдущих статей¹² сформулированы важные методологические наблюдения, перспективные для дальнейших имагологических изысканий. Они порой высказаны в заостренной форме и как приглашение к дискуссии, игнорирование которого было бы оскорблением памяти об ушедшем товарище. К сожалению, мы с Шемякиным не успели отдать эту дань в статье, которую планировали написать совместно после ухода Йовановича. Теперь это – мой долг и перед ним.

Россия для «внутреннего сербского употребления»

Йованович, прежде всего, обратил внимание на то обстоятельство, что «...Россия в [современном] сербском публичном дискурсе, в пространстве медиа и, как следствие, в восприятии отдельных наблюдателей существует исключительно для нас (Сербии, а ранее – Югославии) и только для “нас”». Эти представления проникнуты либо радикальным отторжением и неприятием, либо идеализированной «любовью», они не адекватны реалиям России, но «...могут иллюстрировать наши представления о нас самих»¹³. Соглашаясь с часто высказываемыми в лите-

¹⁰ Срби о Русији и Русима. С. 40. Разумеется, в книге присутствуют тексты государственных и политических деятелей, имеющие выраженную идеологическую окраску.

¹¹ Јовановић 2012.

¹² Jovanović 2010; 2011. Антологии 2011 г. предпослана статья: О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодетерминација // Срби о Русији и Русима. С. 11–42. Русские версии этих публикаций: Йованович 2012; 2013.

¹³ Срби о Русији и Русима. С. 13.

ратуре соображениями о мифологизации «образов Другого» и воздействии на них самовосприятия, а также социально программируемых «ментальных карт»¹⁴, Йованович пытался разобраться в причинах и предыстории того радикального разрыва с реальностью, который он увидел в современном позиционировании России на сербской интеллектуальной сцене. Одновременно он реконструировал и те рамки взаимовосприятия, которые в актуальной полемике маргинализированы или же вовсе не принимаются в расчет, будучи вытеснены сиюминутной «политикой», а именно: долговременные культурные, научные, религиозные и церковные связи. Их значимость задается динамикой взаимных представлений: «С одной стороны, восприятие Другого в каждом обществе не является “вечным” и раз и навсегда данным, но представляет собой процесс постоянной прорисовки “картинки”, который параллелен и взаимозависим с процессом постоянного определения своего и “себя”. <...> С другой стороны, появляется известное число конкретных представлений, которые... сохраняются в форме стереотипных представлений в коллективном менталитете и ментальной карте индивидов»¹⁵.

Следовательно, «картина мира» постоянно меняется под действием целого комплекса исторических обстоятельств, и эти изменения детерминированы и сами детерминируются подвижными и взаимозависимыми представлениями о себе и «других». А поскольку границы смещаются, «свое» может стать «чужим» и наоборот. Так в XVIII в. границы идентичности прорисовывались, прежде всего, под влиянием конфессиональных императивов, поэтому чаще подчеркивались сходства, а не различия. «Это во многом повлияло на то, что граница в определении “нас” и русских и России в качестве Другого не была четкой и неоспоримой – как это было в течение XX в. или сейчас, – но размытой, неясной и довольно произвольно определяемой, до некоторой степени смешивались элементы того, что можно было бы определить как “наше” и “их”»¹⁶. По мнению Йовановича, на эту неопределенность (помимо низкой интенсивности контактов) повлиял классифицирующий взгляд со стороны, например, администраторов Габсбургской монархии, которые руководствовались тем же конфессиональным критерием, цивилизационными оппозициями или чем-то схожим¹⁷. Тем не менее, исследователь предполагал наличие сложной идентичности у сербов того времени и задавался вопросом о связи этого феномена с легкостью их ассимиляции после переселений в Россию.

¹⁴ Об этой метафорической категории см.: Шенк 2001.

¹⁵ Срби о Русији и Русима. С. 17–18. Автор здесь следует за: Радовић 2009.

¹⁶ Срби о Русији и Русима. С. 18.

¹⁷ Срби о Русији и Русима. С. 19. Йованович приводит пример С. Пишчевича, отправившегося на службу в Россию, в связи с чем габсбургский генерал предположил, что тот хочет стать «москвитом».

В эпоху Романтизма и национализма в представлениях о России все еще доминировали сходства, но это уже был «серебряный век» сербско-русской «любви», поскольку более тесные контакты и знакомство друг с другом в результате совместных боевых действий и дипломатических отношений «...привели к известной рационализации, частичному разочарованию и разложению отдельных стереотипных форм в восприятии России (и тем самым, к переопределению поврежденного предшествующего образа)»¹⁸. Кроме того, расширилась палитра интересов, и «великий православный царь» больше не был единственным центром внимания сербских авторов в России. В символическом пространстве сербской культуры появились другие, порой радикально альтернативные герои русской публичной и политической сцены – революционеры Бакунин, Герцен, Нечаев и т.д. И в любом случае оценка политики России стала более утилитарной.

Идеологически окрашенный XX век привел к появлению новых границ на ментальных картах, которые «пересекались, скрещивались, накладывались друг на друга», поэтому часто уже было невозможным определить, кто определяется как «мы», а кто как «другие». Именно эти идеологические коллизии привели к перелому 1948 года, который «...в сферу сербской общественной и культурной символики внес совершенно новый феномен – восприятие России как “врага”»¹⁹.

Хотя идеологическое соперничество между СССР и Югославией – двух стран коммунистического мира – имело смысл лишь в контексте «холодной войны» и исчерпало себя вместе с ней, в наследство от него остался фонд новых стереотипных представлений. «Тем самым процесс расщепления представлений о России как о Другом, начатый в последней четверти XIX века... привел к своему логическому эпилогу – артикуляции двух противоположных позиций в символическом поле сербского общества и культуры: русофильской и русофобской». В условиях крушения существовавшего прежде «цивилизационного концепта и идеологического проекта», переопределение Другого не могло двинуться в направлении «комплексного и рационального рассмотрения», но неизбежно вылилось в «черно-белую схему»²⁰.

В исследовании сербско-русских отношений и истории их восприятия М. Йованович исходил из предположения о существовании трех дискурсов (было бы точнее сказать – групп дискурсов): сербского, русского и внешнего: «Два из них формируют равноправные полюса. Один, условно говоря, “сербский дискурс” – восприятие и объяснение сербско-русских отношений в сербской среде, обществе, политике и науке, когда

¹⁸ Срби о Русији и Русима. С. 19.

¹⁹ Срби о Русији и Русима. С. 21–22.

²⁰ Срби о Русији и Русима. С. 22–23.

в фокус ставится сербская политика и интересы. На другом полюсе, противоположном сербскому, ясно выделяется “русский дискурс” – восприятие русско-сербских отношений, когда в фокус ставят политику и интересы России. Наконец, помимо них, или точнее говоря, в противостоянии вышеприведенным контекстам находится “дискурс третьей стороны”... когда в фокус интересов, как правило, ставят русское влияние на Балканах и отношение сербской политики к России... утилитарно “измеряя” их, оценивая и объясняя в соответствии с собственными целями и интересами (чаще всего ради профилирования собственной политики к русско-сербскому взаимодействию)²¹. Историк далее оговаривается, что эти дискурсы «не когерентны и не монолитны», указывая на полярности в них (сербские русофобы и русофилы) или на более тонкие различия. Однако совершенно ясно, что такое членение дискурсов более всего приспособлено для истолкования политически выраженных позиций. Не случайным представляется указание на то, что «“картина” России как Другого [в Сербии], всегда формировалась в определенном контексте, чьи рамки задавались импульсами, *приходившими из политики и, частично, культуры* (курсив мой. – М.Б.)»²².

Между тем в своей последней монографии Йованович оговаривался: «Двусторонние культурные и духовные связи, контакты и влияния, относящиеся к XVIII в., представляются основой, на которой с небольшими модификациями, практически на протяжении двух следующих столетий (XIX и XX) строились сербско-русские культурные и духовные обмены и сотрудничество. Континуитет духовного и культурного обмена и влияния, миграции, многозначные процессы языкового развития, неизбежно оставили глубокий след в коллективном менталитете и памяти и сформировали основы для современного взаимного понимания и восприятия»²³. Здесь культура реабилитируется, но сохраняет «независимость» от политики. Дополнительные разъяснения находятся в другой публикации историка: «Очарование высокой политики может только частично помочь понять и объяснить комплексные общественные явления и в действительности многослойные и взаимозависимые связи и отношения»²⁴. В периоде 1804–1878 гг. Йованович выделил три уровня отношений: текущие дипломатические, традиционные связи и представления, на основе которых выстраивались те или иные конкретные акции, наконец, появление новых феноменов в виде деятельности русских славянофилов или революционных демократов, а также попытки установления экономических связей (они свелись к закупкам оружия в России).

²¹ Йованович 2013. С. 20–21; 2011. С. 16–22; 2012. С. 27–34.

²² Йованович 2013. С. 18.

²³ Јовановић 2012. С. 120.

²⁴ Јовановић 2011. С. 30.

Йованович констатировал: «русский фактор» (даже в узко политической сфере) не сводится ни к одному из названных: «Всякое выделение и абсолютизация какого бы то ни было уровня... неминуемо обеднит и приведет к одностороннему (а потому и ошибочному) пониманию и истолкованию богатого, комплексного и явно взаимозависимого контекста, внутри которого различные, а иногда и весьма удаленные (нередко противостоящие и полярные) факты вместе составляют единство того, что в науке опознается как прошлое отношений сербов и русских»²⁵.

Совершенно справедливая констатация, разумеется, не может освободить нас от абстрагирующих членений этого потока и воображаемой изоляции отдельных явлений, т.е. от аналитических процедур, неизбежных в любом научном исследовании. Другое дело, что при этом не следует забывать о многочисленных контекстах, в которых эти явления находились непосредственно или же в которые могут быть помещены исследователем, помимо прямых указаний источника, поскольку предполагается и опосредованное воздействие.

С одной стороны, Йованович постоянно указывал на эмоциональный заряд тех или иных высказываний сербских наблюдателей и участников конкретных событий относительно России; эмоции в свою очередь отливаются в схематичные, повторяющиеся или стереотипные суждения. С другой стороны, он предостерегал от сведения политической стороны взаимоотношений с Россией к традиционным ожиданиям, поскольку отношения двух стран были частью более широкой (европейской, а затем и мировой) системы международных отношений. Складывается впечатление, что влияние «традиции» и текущих политических обстоятельств отслаивается друг от друга, поскольку мера их интеграции не может быть определена раз и навсегда. В этой связи обретает актуальность поиск промежуточных инстанций между культурной (исторической, а затем и идеологической) мифологией и политической прагматикой. Такими медиаторами, например, выступает массовая печать, призванная не только информировать или убеждать, но и развлекать, популяризаторское страноведение, травелоги. Однако до середины XX в. их возможности были ограничены узкими рамками грамотности.

Понятие «ментальных карт» представляется в этой связи подходящей аналитической категорией, которую, вместе с тем, не следует абсолютизировать. Являясь удачной метафорой, это понятие вовсе не означает, что все пространства на «картах» заполнены без изъятия, и напротив – что *заполненные* не содержат некоего «избытка» в виде разноречивой (вплоть до противоположности) информации. Границы на этих «картах» колеблются (не только в диахронном, но и синхронном изме-

²⁵ Йовановић 2011. С. 34. Ср. предостережения о сложности интерпретаций тех или иных высказываний: Йованович 2012. С. 65–66, 84.

рении), а известные территории переливаются разными цветами. Все дело в том, что социальные группы и институты генерируют отличающиеся друг от друга знания об окружающем мире, а коммуникативные потоки имеют и транснациональное направление. С углублением социальной стратификации, специализации и профессионализации наличествующий комплекс знаний усложняется, при этом отдельные его элементы сохраняют автономию или даже могут существовать «сами по себе», как только потенциально доступны для широкой аудитории. Иными словами, с наступлением современности (в модернизирующихся обществах) становится правилом включенность индивида более чем в одну социальную группу, они пересекаются между собой, и в условиях возрастающей мобильности их разноречивые знания обеспечивают новые возможности выбора и интерпретации.

Преодолению этого хаоса служат новые публичные пространства (периодическая печать, национальная литература, система образования), которые проводят отбор и обеспечивают распространение знаний, однако этот процесс сопровождается внутренней конкуренцией, а его результаты амбивалентны. Разумеется, вовлеченность общества в производство и сохранение знаний не одинакова, поскольку элитарные группы занимают в публичном пространстве привилегированное и доминирующее положение. Тем не менее, оно может быть подвергнуто ревизии со стороны «новых элит». Анализ тех или иных сообщений о Другом в этой связи следует рассматривать, помимо прочего, в контексте коммуникативной ситуации (в качестве полярных случаев приведем публичную манифестацию и частное сообщение, с неизбежностью ориентированное на определенного адресата). Поэтому один и тот же наблюдатель может быть автором чем-то отличающихся или совершенно разных «свидетельств» об одном и том же предмете.

Возвращаясь к предложенному Йовановичем различению трех дискурсов в описании отношений двух стран, можно предположить, что различия между ними определяются не только углом «национальных интересов», но и спецификой социальной и культурной динамики, поскольку и сами «национальные интересы» могут определяться различно, иногда – полярно. Более того, некоторые авторы могут исходить из интересов, вынесенных за пределы национального поля (общеконфессиональных, общеклассовых, общеславянских, общечеловеческих и т.д.).

Таким образом, какая-то часть сообщений, с которыми имеет дело исследователь, является на самом деле частью более общих, не только двусторонних отношений. В частности, и здесь я перехожу к собственному исследовательскому замыслу: ознакомление русских с сербами в первой половине XIX века было частью «открытия» балканских славян, формирования, а затем – в пореформенный период – и широкого распространения представлений о них как о «братских народах». Со-

гласно классификации Йовановича, в центре моего внимания находилась «русский дискурс» или же вектор восприятия, направленный из России. Но этот вектор охватывает более широкий регион и целую группу народов. В итоге, интерес к балканским славянам был увязан с выработкой русской национальной идентичности накануне реформы 1861 г.

Этот сложный процесс определялся множеством факторов внутреннего и внешнего порядка. В суженных цензурой рамках публичной дискуссии он обретал порой неадекватные формы, но, так или иначе, тяготел к обсуждению «особого пути», характерному для обществ, вступивших на путь модернизации²⁶. Разработка этой темы шла параллельно строительству культурной инфраструктуры, во главе которого стояло государство. Поэтому так часто смешивались роли и жанры.

***Между литературой и службой:
жанровые проекции знаний о балканских славянах***

Записки путешественников, как часто подчеркивается в аналитической литературе, представляют собой пестрый конгломерат текстов со столь же пестрым набором авторов. Так исследователь сентименталистской формации русских травелогов Андреас Шёнле замечает, что современники не делали особых различий между текстами писателей и поэтов, с одной стороны, и отчетами офицеров, с другой: «В журналах того времени сообщения военных рецензировались чаще, чем чисто литературные произведения, и оценивались их стилистические достоинства»²⁷. Шёнле справедливо связывает это обстоятельство с тем, что автономия литературы как культурного института в России запаздывала, а это способствовало «приданию литературе всевозможных установок – эстетических, сакральных, социальных, политических и философских...»²⁸. Но то же можно сказать и о других культурных институтах, находящихся в процессе становления, в частности, об университетской науке (например, в связи с появлением славяноведения в ее кафедральной структуре в середине 1830-х). В свою очередь, язык внутриведомственной переписки дипломатов, чья институция претерпела недавнюю трансформацию, постепенно русифицировался, ориентируясь на меняющуюся и дифференцирующуюся в жанровом измерении литературную норму. При всех оговорках о недифференцированной «словесности» того периода, Шёнле все же считал возможным «...выработать широкий, хотя и не вполне отчетливый, критерий разделения травелогов на литературные и нелитературные, основанный не столько на доле прагматической информации в тексте или на его предполагаемой “реальности», сколько на связи с литературной традицией. <...> Чем

²⁶ «Особый путь». 2018.

²⁷ Шёнле 2004. С. 10.

²⁸ Шёнле 2004. С. 17.

сильнее интертекстуальные связи, тем больше вымышленного, а, следовательно, литературного». И хотя с этим критерием можно, в целом, согласиться, труднее принять последующее обобщающее суждение, отделяющее путешествие как литературный жанр от «...отчетов военных, ученых и паломников, которые или не знали о существовании литературных прототипов, или не интересовались ими»²⁹.

Такое обобщение не находит подтверждения за пределами того узкого круга широко известных и признанных литературных источников, на которые опирался автор: Радищев и Карамзин, Батюшков и Бестужев-Марлинский, Пушкин и Сенковский... Рассмотрение более широкого корпуса текстов, как опубликованных вскоре после «фактического» путешествия, так и ставших известными позднее (в синхронной записи или переработанных), а также оставшихся в архивах, корректирует границы литературности. Здесь, по-видимому, следует в первую очередь иметь в виду уровень публичности, которую допускал сам автор в отношении создаваемых им текстов. Однако и этот диапазон, как будет показано ниже, мог иметь изменчивый, вариативный характер. Кроме того, поскольку интеллектуальные практики в России первой половины XIX в. были еще слабо дифференцированы, часто встречалась множественная специализация авторов, что определяло полифункциональность их текстов. Проиллюстрирую сказанное несколькими примерами.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский отправился в Сербию весной 1808 г. с официальной оказией – доставить миро для местной церкви. Просьба белградского митрополита Леонтия прошла через церковные инстанции к канцлеру Н.П. Румянцеву, а он попросил близкого ему по кругу антикваров управляющего московским архивом коллегии иностранных дел подыскать для этого подходящего человека – им стал его 20-летний сын³⁰. Поездка являлась полуофициальной, и отчасти будущего историка, еще не вполне утвердившегося в карьерном пути, привлекала экзотика и литературная мода. Вышедшая в 1810 г. под инициалами Д.Б.К. книга «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» была первым подобным региональным опытом. Важно, что результат поездки стал быстрым достоянием читающей публики, когда восстание сербов еще продолжалось, а Россия находилась недалеко от столкновения 1812 г. Книга сознательно ориентирована на литературные образцы (Стерна и Карамзина), поскольку составлена из стилизованных писем приятелю. Она содержит типичные сентиментальные сцены, элементы иронии и чувствительную интроспекцию, хотя уровень литературной игры здесь не слишком высок или даже откровенно эпигонский. Несмотря на невысокий уровень мастерства, «Путешествие...» находилось

²⁹ Шёнле 2004. С. 12.

³⁰ Грачев 1997. С. 166–167. Открытие «братьев-славян». 2018. С. 98.

в библиотеке Пушкина, а упоминаемые там сведения стали источником некоторых его текстов. В свою очередь характер этих сведений вызвал протест апологетов династии Карагеоргиевичей в Сербии середины XIX века, и затем это неприятно воспроизводилось в историографии.

Возьмем другой, по времени близкий первому и хорошо известный пример – путешествие А.С. Кайсарова и А.И. Тургенева по славянским землям в 1804 г.; их письма и дневники не предназначались для печати и были опубликованы спустя столетие В.М. Истриным в «Архиве братьев Тургеневых». Какие-то литературные записи Тургенева из этой поездки еще лежат как неописанный материал в Пушкинском доме. Кайсаров и Тургенев, такие же молодые люди на тот момент, как и Бантыш-Каменский, тем не менее, обладали гораздо большей литературной компетенцией. С 1801 г. они были участниками «Дружеского литературного общества» – круга амбициозных и столь же молодых реформаторов русской словесности, продолжателей и оппонентов Карамзина. Тургенев затем совмещал амплуа чиновника, литератора и историка-архивиста. А Кайсаров выбрал ученое поприще, что было еще не типично для дворянина. В 1812 г. он стал военным пропагандистом, а в следующем – погиб армейским партизаном³¹.

В случае Тургенева мы имеем два образца переписки: письма родителям и письма близкому другу, почти ровеснику, К.Я. Булгакову. И те, и другие несут в себе элемент литературности, но письма Булгакову содержат больший игровой элемент. В письмах родителям шуточный тон тоже, порой, присутствует, но более сдержан, чаще заменяется торжественными выражениями. В неоклассическом духе Тургенев называет восставших сербов «славяно-спартанцами» и скрывает от родителей посещение Белграда, о котором рассказывает Булгакову. Сербы именуются «черепочками»: это игровое слово, используемое в регистре дружеского письма, как особого литературного жанра пушкинской эпохи. Оно маркирует, скорее, автоиронию, нежели пренебрежение по отношению к балканским славянам. Литератору следовало подсмеиваться над своим интересом к «древностям» и над учеными занятиями. В письмах Тургенева можно найти (передаваемые как неавторизованные информационные сообщения) голоса двух конкурирующих духовных вождей: карловацкого митрополита С. Стратимировича и белградского митрополита Леонтия. Тургенев понимал противоречие между этими сообщениями, и ему, в конце одного письма, приходится себя поправлять.

Кайсаров на протяжении поездки вел путевой дневник, в основном выдержанный в деловом тоне: там присутствует интерес к местной агрикультуре, поземельным отношениям, специфике Военной границы, эпидемиям, монастырским обычаям, религиозной политике и т.д. Од-

³¹ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 7–25.

нако из ряда констатирующих записей с редкими оценочными замечаниями выделяется фрагмент о посещении Белграда, где царствует ирония, игровые намеки и романтические ужасы. Сгущенная литературность этого фрагмента маскирует смущение автора от турецкого берега, где высокий слог неоклассицизма оказался неуместным.

Мы располагаем и более поздней перепиской Кайсарова с митрополитом Стратимировичем и деятелями его национально-просветительского круга (в конце XIX в. ее опубликовал И.В. Ягич) и предисловием к «Сравнительному словарю славянских наречий». Кайсаров работал над ним после поездки и в тексте отразились воспоминания о ней³². Предисловие имеет вид публичного манифеста в духе «славянской взаимности», но стилистически это гибридный текст, где преобладает неоклассицизм. И в частной переписке со славянами, и в этом декларирующем предисловии автор пишет о «славянском братстве», опережая интеллектуальную моду почти на полстолетия. Его личная «славянская» идентичность, очевидно, имеет заимствованный (у Стратимировича и его круга) характер, но столь же очевидно, что ее принятию способствовали ранние поиски «народности» и гражданский романтизм преддекабристского типа, которые Ю.М. Лотман обнаружил в деятельности «Дружеского литературного общества».

Обратимся теперь к текстам офицеров и дипломатов. «Записки морского офицера», принадлежавшие перу В.Б. Броневского, создавались после бурных 1812–1815 гг. и под их впечатлением. При этом главное содержание повествования – Средиземноморская экспедиция под предводительством Д.Н. Сенявина в 1805–1807 гг. События и текст разделяет около 10 лет, следовательно, мы имеем дело со сравнительно ранними воспоминаниями, спровоцированными патриотическим подъемом и модой на военные и морские приключения³³. Броневский очевидным образом учитывал ожидания публики, а борьба за ее интерес привела к любопытному конфликту с обвинениями в плагиате между ним и другим мемуаристом со сложившейся и весьма скандальной литературной репутацией П.П. Свиныным³⁴. Во время Средиземноморской экспедиции он выступал в качестве дипломата, а в послевоенную эпоху стал предприимчивым издателем «Отечественных записок», где эксплуатировался патриотический спрос. При всей своей литературной неряшливости и неразборчивости Свинын, в сравнении с Броневским, все-таки был более опытным литератором и журналистом. Броневский более сентиментален, соблазняет читателя романтическими красотами

³² Рукопись А. Кайсарова... 1958.

³³ Белов 2018. С. 9–10.

³⁴ Куприянов 2004. № 1. С. 60–62. 2005. № 1. С. 68–71. Открытие «братьев-славян». 2018. С. 49–53, 65–73.

морской стихии (особенно в 1-й части «Записок»), а темп повествования, за счет длинных вставных статистических описаний, сбивается. Один из таких «внутренних» текстов о Черногории и Боке Которской вообще был передан Броневскому С.И. Мразовичем, на что в книге не указывалось, а это давало козырь Свиныну в спорах о нечистоплотности. Броневский элегантно избегает высказывания открытой симпатии к местным жителям, а некоторые из нравов черногорцев его явно шокировали. В его книге упоминается «славянское братство», но эта характеристика всегда исходит из чужих уст. В свою очередь Свинын умело пользовался романтической иронией, чтобы нейтрализовать рассказ о жестокостях и нелепых военных обычаях черногорцев.

Иной подход можно найти в «журнале» генерал-майора В.В. Вяземского, командовавшего в июне 1806 г. осадой Дубровника³⁵. Вроде бы Вяземский делал записи только для себя, они совсем не изысканны и даже архаичны по стилю. С другой стороны, автор очень старательно работал с «журналом», очевидно, перебелил записи, возможно, в расчете на потомков: он вообще был обижен на судьбу, считал свои таланты недооцененными, что провоцировало конфликты с начальством и, в частности, с Сенявиным. «Журнал» мог быть его оправданием перед историей. Черногорцы представлены здесь в самых черных красках. Но для большинства свидетельств эпохи характерна модель «благородного дикаря». На тексты дипломатов (особенно на донесения С.А. Санковского из Черногории³⁶) воздействовали ставшие штампом надежды на прекрасное будущее людей природы, какими рисовались черногорцы, если только они заимствуют достижения цивилизации и сумеют избежать ее болезней. Это прочитывается в депешах с Балкан и в середине века: у Я.Н. Озерецковского, Е.П. Ковалевского, Н.Д. Ступина.

Хотя для дипломатической переписки предписан, по ожиданию, деловой стиль, вышеперечисленные чиновники допускали в ней значительную долю литературности. Тому был ряд причин. Во-первых, известные им приемы литературного травелога смешивались с аморфной формой статистического описания и включались в официальные отчеты, поскольку высокие чиновники ведомства, постоянно требовали точных данных о народах, населяющих Балканский полуостров. Мир полудикарей виделся бесконечно удивительным из петербургских кабинетов, и жажда знаний о нем не иссякала вплоть до Крымской войны. Во-вторых, и сами чиновники имели литературные амбиции, и некоторые из них, например, Ковалевский стяжали славу писателя. Его книга «Четыре месяца в Черногории» (1841), написанная по материалам поездки, состоявшейся тремя годами ранее – автор впервые отправился туда в качестве

³⁵ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 54–64.

³⁶ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 26–48.

геолога-разведчика, – стала образцом для подражаний. Эта миссия одновременно дала старт дипломатической карьере Ковалевского (одно время при А.М. Горчакове он даже начальствовал над азиатским департаментом МИДа), и открыла талант блестящего литературного путешественника. Другой пример – И.П. Липранди, претендовавший на множество нечиновных ролей: разведчика и диверсанта, военного этнолога, ориенталиста-эрудита, журналиста, литератора. Хотя как писатель он был не слишком искушен, по наитию ему удалось создать неподражаемый гибридный жанр, где мешались эксклюзивная доверительность воспоминаний (из переработанного дневника) и квазинаучный подход³⁷.

Первое поколение университетских славистов, отправившихся в ученые путешествия в конце 1830-х – середине 1840-х гг. на казенный счет, по сути, являлись, командированными чиновниками и писали в Министерство народного просвещения бюрократически выхолощенные отчеты о своей заграничной деятельности, которые публиковались в его официальном органе. Но некоторые из них вели более личные дневники (О.М. Бодянский и В.И. Григорович), писали отмеченные литературным озорством письма приятелям и родным (П.И. Прейс и И.И. Срезневский) и публиковали параллельные корреспонденции в журналах или готовили литературные зарисовки про запас.

То же можно сказать и о неофициальных поездках «молодых славянофилов», чьи длинные корреспонденции (В.А. Панов, В.А. Елагин), очевидно, предназначались для чтения в кругу друзей и знакомых, т.е. имели в виду «малую публичность», которая могла рассматриваться как трамплин для широкой публикации. Дневник Ф.В. Чижова был для него и средством глубокой интроспекции, и полигоном отработки публицистических приемов³⁸. В пореформенный период дневник использовался автором для составления журнальных текстов. В подобных сочинениях, написанных «для себя» и «для своих», восторжествовал «братский» дискурс по отношению к балканским славянам, а прежние стереотипы (ориентальные или дикарско-варварские) были подавлены.

Сочетание жанровой интимности с публицистическими элементами в путевых заметках славянофилов явилось важной предпосылкой для широкой проекции «славянского братства» в раскрывшееся публичное пространство пореформенного периода, когда социальные перемены диктовали спрос на новые идентичности. «Братский» дискурс, быстро превращавшийся в политическую мифологию, оказывался и фундаментом, и фигурой преодоления в более изощренных суждениях русских экспертов конца XIX в., которые сочетали искреннюю симпатию к балканским славянам с критическим анализом увиденного и поэтому смог-

³⁷ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 581–588; Белов 2012.

³⁸ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 588–604; Белов 2017.

ли стать надежной опорой для исследований А.Л. Шемякина. Разные фокусы публичности в сообщениях и присущие им жанры позволяют понять реальные противоречия и действительную эволюцию во взглядах путешественников, отраженную в дискурсивных выборах, сдвигах или совмещениях, и равным образом оценить информационный потенциал и предметную релевантность подобных свидетельств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.
- Белов М.В. «Молодые славянофиль» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–112.
- Белов М.В. Риторика «морского братства» и образ Д. Н. Сенявина в мемуарах и дневниках участников Средиземноморской экспедиции начала XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 9–15.
- Грачев В.П. Православная церковь и первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 161–175.
- Јовановић М. Србија и Русија 1804–1878: политика, традиција, перцепција (оквири тумачења и контекстуализације) // Москва – Сербия, Белград – Россия. Т. II. Белград–М., 2011. С. 14–38.
- Јовановић М. Срби и Руси. 12–21. век (историја односа). Београд: Народна библиотека Србије, 2012. 254 с.
- Јованович М. Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. – политика, традиция и перцепция // Славянский альманах (2011). М., 2012. С. 64–85.
- Јованович М. Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. С. 12–28.
- Куприянов П. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73. № 2. С. 74–86. 2005. № 1. С. 65–78. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. I (XVI–XVIII вв.). Белград–М., 2009. 667 с. Т. II (1804–1878 гг.). Белград–М., 2011. 939 с. Т. III (1878–1917 гг.). М.–Белград, 2012. 702 с. Т. IV. (1917–1945 гг.). М.–Белград, 2017. 1006 с.
- «Особый путь»: От идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
- Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.
- Радовић С. Сликe Европе: Истраживање представа о Европе и Србији на почетку XXI века. Београд: САНУ, 2009. 173 с.
- Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» / Вступ. ст. и публ. Ю.М. Лотмана // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1958. Вып. 65. С. 191–203.
- Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетей, 2006. 684 с. Т. II (архивные свидетельства). М.: Индрик, 2014. 632 с.
- Силкин А.А. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина // Славяноведение. 2018. № 5. С. 112–117.
- Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија / Приредио М. Јовановић. Београд: ПБФ ИТИ, 2011. 858 с.
- Шемякин А.Л. Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. II. М., 2006а. С. 199–217.
- Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: 2006б. 160 с.
- Шемякин А.Л. Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии // Человек на Балканах глазами русских. СПб.: Алетей, 2011. С. 66–94.

- Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова / Сост. В.Б. Каширин. М.: Изд. дом «Регнум», 2012а. С. 187–200.
- Шемякин А.Л. Сербия по русским – «от России до России» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М. 2012б. С. 455–458.
- Шемякин А. Срби и Русима – «од Русије до Русије» // Руски алманах. Бр. 18. Београд, 2013. С. 178–181.
- Шемякин А.Л. Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 82–86.
- Шенк Ф.Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней: Обзор литературы // Новое литературное обозрение. № 52. 2001. С. 42–61.
- Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790-1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
- Jovanović M. Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Srbije i Rusije na početku XXI veka. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 11–17.

REFERENCES

- Belov M.V. «Sluzhebnoe» slavyanovedenie v Rossii pervoj poloviny XIX veka // Slavyanovedenie. 2012. № 4. S. 53–68.
- Belov M.V. «Molodye slavyanofily» na puti k «slavyanskomu bratstvu»: Balkanskie puteshhestviya 1840-h gg. // Slavyanovedenie. 2017. № 2. S. 96–112.
- Belov M.V. Ritorika «morskogo bratstva» i obraz D. N. Senyavina v memuarah i dnevnikh uchastnikov Sredizemnomorskoj ekspedicii nachala XIX veka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 6. S. 9–15.
- Grachev V.P. Pravoslav'naya cerkov' i pervoe serbskoe vosstanie 1804–1813 gg. // Cerkov' v istorii slavyanskih narodov. M., 1997. S. 161–175.
- Jovanovich M. Srbija i Rusija 1804–1878: politika, tradicija, percepcija (okviri tumachenja i kontekstualizacije) // Moskva – Serbija, Belgrad – Rossiya. T. II. Belgrad–M., 2011. S. 14–38.
- Jovanovich M. Srbi i Rusi. 12–21. vek (istorija odnosa). Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2012. 254 s.
- Jovanovich M. Mezhdru odnoplemennost'yu i vrazhdoy: Serbiya i Rossiya v 1804–1878 gg. – politika, tradicija i percepcija // Slavyanskij al'manah (2011). M., 2012. S. 64–85.
- Jovanovich M. Serbsko-russkie ili russko-serbskie svyazi i otnosheniya: odin, dva (tri) vozmozhnyh diskursa i vospriyatija // Istoriki-slavisty MGU. Kn. 9. Issledovaniya i materialy, posvyashchennye 75-letiju so dnya rozhdeniya V.A. Tesemni-kova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2013. S. 12–28.
- Kupriyanov P. Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: paradoksy litera-turnosti // Istorik i hudozhnik. 2004. № 1. S. 59–73. № 2. S. 74–86. 2005. № 1. S. 65–78.
- Moskva – Serbiya, Belgrad – Rossiya. Sbornik dokumentov i materialov. T. I (XVI–XVIII vv.). Belgrad–M., 2009. 667 s. T. II (1804–1878 gg.). Belgrad–M., 2011. 939 s. T. III (1878–1917 gg.). M.–Belgrad, 2012. 702 s. T. IV. (1917–1945 gg.). M.–Belgrad, 2017. 1006 s.
- «Osobyj put'»: Ot ideologii k metodu. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 488 s.
- Otkrytie «brat'ev-slavyan»: russkie puteshestvenniki na Balkanah v pervoj polovine XIX veka / Sostavlenie, predislovie, biograficheskie spravki, kommentarii i zaklyuchitel'naya stat'ya M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istorija, 2018. 672 s.
- Radovich S. Slike Evrope: Istrazhivanye predstava o Evrope i Srbiji na pochetku XXI veka. Beograd: SANU, 2009. 173 s.
- Rukopis' A. Kajsarova «Sravnitel'nyj slovar' slavyanskih narechij» / Vstup. st. i publ. YU.M. Lotmana // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. 1958. Vyp. 65. S. 191–203.
- Russkie o Serbii i serbah. T. I. Pis'ma, stat'i, memuary / Sost., vstup. st., zakl. A.L. SHemyakina; komm. A.A. Silkina, A.L. SHemyakin. SPb.: Aletejya, 2006. 684 s. T. II (arhivnye svidetel'stva). M.: Indrik, 2014. 632 s.
- Silkin A.A. Pamyati Andreya Leonidovicha SHemyakina // Slavyanovedenie. 2018. № 5. S. 112–117.

- Srbi o Rusiji i Rusima. Od Elizavete Petrovne do Vladimira Putina (1750-2010): antologija / Priredio M. Jovanovich. Beograd: PBF ITI, 2011. 858 s.
- SHemyakin A.L. General M.G. CHernyaev i Serbskaya vojna // Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. T. II. M., 2006a. S. 199–217.
- SHemyakin A.L. Smert' grafa Vronskogo. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: 2006b. 160 s.
- SHemyakin A.L. Russkie ochevidcy o specifičnosti političeskogo procesa v nezavisimoj Srbiji // CHElovek na Balkanah glazami ruskih. SPb.: Aletejya, 2011. S. 66–94.
- SHemyakin A.L. M.G. CHernyaev i Serbiya // Velichie i yazvy Rossijskoj imperii: Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik k 50-letiju O.R. Ajrapetova / Sostavitel' V.B. Kashirin. M.: Izdatel'skij dom «Regnum», 2012a. S. 187–200.
- SHemyakin A.L. Serby o ruskih – «ot Rossii do Rossii» // Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii. Obraz Rossii v slavyanskij stranah. M. 2012b. S. 455–458.
- SHemjakin A. Srbi o Rusima – «od Rusije do Rusije» // Ruski almanah. Br. 18. Beograd, 2013. S. 178–181.
- SHemyakin A.L. Russkie temy Miroslava Jovanovicha (1962–2014) // Slavyanovedenie. 2015. № 1. S. 82–86.
- SHenk F.B. Mental'nye karty: Konstruirovanie geografičeskogo prostranstva v Evrope ot epohi Prosveshčeniya do nashih dnei: Obzor literatury // Novoe literaturnoe obozrenie. № 52. 2001. S. 42–61.
- SHyonle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii ruskoj literatury puteshestvij. 1790-1840. SPb.: Akademicheskij proekt, 2004. 272 s.
- Jovanović M. Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Srbije i Rusije na početku XXI veka. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 11–17.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; belov_mihail@mail.ru

Russians and Serbs in mutual representations Methodological notes to research project

The survey of mutual representations of Russians and Serbs, which was inspired by A.L. Shemyakin (1960–2018) and M. Jovanovic (1962–2014) has revealed a wide range of possibilities in studying the topic. The methodological shades of imagology are determined by the cognitive priorities and, at the same time, also by the informational potential of the evidence with which the historian deals. These mutual representations are multi-layered and dynamic in nature so they require an adequate theoretical model, and the article is devoted to separate aspects of this model.

Keywords: mutual representations, Russian-Serbian relations, imagology, travelogues, A.L. Shemyakin, M. Jovanovic

Michael V. Belov, Ph.D., the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; belov_mihail@mail.ru